

65.9(2P5)3054

Ш 46

В. И. ШЕМЕЛЕВ

ГОРНЯКИ СИБИРИ ДО РЕВОЛЮЦИИ

ПРИЛОЖЕНИЕ К СБОРНИКУ
„ГОРНЯКИ СИБИРИ В РЕВОЛЮЦИИ“

ИЗДАНИЕ СИБИРСКОГО КРАЕВОГО
КОМИТЕТА СОЮЗА ГОРНОРАБОЧИХ СССР

НОВОСИБИРСК

neg. q.

30363

65.9(2P5)/305.4

Ш 46

Кемеровская областная
библиотека
сектор специализации

В. И. ШЕМЕЛЕВ

ГОРНЯКИ СИБИРИ ДО РЕВОЛЮЦИИ

ТРУД И БОРЬБА
ГОРНОРАБОЧИХ СИБИРИ
ДО 1917 г.

ПОДГОТОВИЛ К ПЕЧАТИ Г. А. КУЗБАСОВ

241577

Кемеровская
областная библиотека
ОСНОВНОЙ ФОНД

ИЗДАНИЕ СИБИРСКОГО КРАЕВОГО КОМИТЕТА
СОЮЗА ГОРНОРАБОЧИХ СССР
НОВОСИБИРСК

1927

г. Новосибирск,
тип. Сибкрайсоюза,
Советская, № 6.

Сибкрайлит № 1679 от 4 октября 1927 г.
Наряд № 27. Тираж 3500 экз.

I. В годы крепостной неволи.

«Все горные и заводские служители содержатся на военной ноге и, сколько обстоятельства позволяют, дисциплинируются, а потому во всех горных и заводских работах обращаются без ропота в тишине и спокойствии».

Из сообщений современника о положении горнорабочих Сибири в годы крепостного права (Герман—„Описание сибирских рудников и заводов“, часть 1).

«Да и промысла смотритель
Превосходный был мучитель—
Варвар, право, был.
Он с бичем всегда ходил,
Без пощады им лупил
До кого дойдет».

Из песни горнорабочих Нерчинского округа (1850 г.).

Первые шаги горного дела в Сибири. Недостаток вольнонаемных рабочих рук.

Горное дело в Сибири зародилось очень давно. Вслед за первым движением в Сибирь русских военных отрядов сюда проникали «дозорщики» и «рудознатцы» московских царей в поисках за ископаемыми богатствами для пополнения царской казны. Их нередко опережала частная предприимчивость. Искали золото, серебро, медь и железо, а также слюду...

Сибирь не знала крепостного права в полном его развитии, здесь не было помещиков и их «крещенной собственности». В горном деле с первых его шагов приходилось прибегать к вольному наемному труду.

В правительственном акте от 26 ноября 1658 года на имя енисейского воеводы Максима Ртищева есть указания о разрешении «посадскому человеку» Алексею Жилину «ломать слюды, плавить медную руду и прискивать серебряную и золотую в Енисейском уезде». Алексей Жилин занялся здесь разработкой слюды с 1642 года, «наймучи кузнецов и работных людей на своих проторях».

Вольно-наемный труд в значительной мере применялся и при правительственных разведках рудного дела. В 18 ом столетии в Сибири возникает целый ряд частных и правительственных горных заводов: Нерчинский завод (1704 г.), Колывано-Воскресенские заводы—в предгорьях Алтая (1723 г.), Ирбинский железодельный завод—в Енисейской губернии (1733 г.), Лучихинский и Николаевский—в Иркутской губернии (1845 г.), Абаканский—в Енисейской губернии (1867 г.). Из этих старичков горного дела в Сибири до настоящего времени работает только один Гурьевский завод, основанный в 1820 году. Все они были довольно мелкие предприятия

с крайне ограниченным сбытом, затрудненным плохими путями сообщения. Рудокопные работы всюду первоначально велись в порядке вольно-наемного труда, но в очень небольших размерах. На Нерчинских рудниках вначале было всего 19 вольно-наемных рабочих, а в 1705 году число их дошло до 51.

Принудительный труд в Сибири.

Для более широкого развития горных работ вольно-наемных рук решительно не хватало в малонаселенной Сибири. И вопрос разрешился в духе того времени: начали прибегать к принудительному труду крестьян и арестантов. Помимо посылки на заводы каторжан и ссыльных поселенцев, к ним тысячами приписывались крестьяне из ближайших районов Сибири. Эти заводские крестьяне перешли на положение крепостных, обязанных принудительной работой на заводе. На Колывано-Воскресенских заводах широко применялось пополнение рабочей силы в порядке воинской повинности. В деревнях Сибири тысячами брали рекрутов на заводы «в счет будущих наборов». Тот же принудительный труд применялся и на казенных золотых приисках, которые начинают разрабатываться в Алтайском и Нерчинском горном округе, с 40-х годов 19 века. В 1860 году число постоянных рабочих на Колывано-Воскресенских горных заводах (Алтайского окр.) вместе с золотыми приисками превысило 20.000 человек.

К принудительному труду горнозаводское население привлекалось с самого раннего возраста. На Колывано-Воскресенских заводах семилетних мальчиков брали на учет, а с 9 лет их уже ставили на разборку руды. На Нерчинских заводах на разборку руды ставились 12-ти летние мальчики, которые получали за свою работу по рублю в месяц, с вычетом по 40 коп. за выдаваемый им заводом пуд муки. С 15 лет, по принятии присяги, они зачислялись в рудоразборщики с жалованьем по возрасту: 15, 18 и 21 руб. в год и с провиантом по 1¹/₂ пуда. С 21 года они поступали в настоящие работники с жалованьем в 24 р. в год и 2 пуда муки (вычитали по 40 коп. за пуд). Работа на заводах шла круглый год, без праздничного отдыха, по 12-ти часов в день. Первоначально работали в две смены, днем и ночью, но с 1786 года начала устанавливаться трехсменная система в таком порядке: горные люди были разделены на три части—две из них работали непрерывно по две недели (одна смена днем, другая ночью), а третья пользовалась «гульной неделей». Этот недельный отдых при недостаточности казенного довольствия неизбежно посвящался домашним работам и сельскому хозяйству.

О здоровьи горнорабочих и безопасности работ почти никакой заботы не было. Дела о смертных случаях с рабочими нередко разбирались в военных судах, но обычно суд выносил приговор о предании дела «воле божией», за недоказанностью вины администрации.

Вольнонаемный труд в частной золотой промышленности.

Более широко вольнонаемный труд начал применяться в горном деле в Сибири с развитием частной золотой промышленности. Частные лица начали получать разрешения отыскивать золото в Сибири с 1826 года (П. Я. Попов, сделавший первый заявку на россыпи в Мариинской тайге). Права частных лиц на разработку золота были более точно определены законом 1838 года, и к 1840 году в Сибири уже насчитывалось на частных золотых приисках около 13.000 рабочих. В это время в Енисейской и Томской тайге были уже довольно крупные предприятия. Например, на

Бирюсинских приисках Асташева работало до 1500 рабочих. При найме на прииска у рабочих отбирались паспорта, и они подписывали годовые контракты. Эти сделки имели кабальный характер. Частные предприниматели имели под рукой готовый контингент рабочих, в лице ссыльно-поселенцев, но постепенно все в большей мере на прииска стали проникать также и полноправные крестьяне из сибирских деревень. В 1834 году на всех сибирских приисках было 68% ссыльно-поселенцев. По Енисейской губернии процент ссыльно-поселенцев в 1847 году составлял 68%, а в 1850 году—53%.

В конце 40-х годов сибирская золотопромышленность переходит в новый период своего развития. Работа по добыче и особенно по перемывке песков механизмуется. На смену ручной «бутаре» приходит золотопромывальная машина, действующая силой течения горных рек и ручьев. В 1847 г. в Сибири было 45 золотопромывальных машин, а в 1852 году уже 93. Ручная откатка песков заменяется конной тягой (число лошадей за те же годы удвоилось). Труд человека становится более производительным. Но, как всегда в капиталистических условиях, вся выгода от увеличения производительности труда достается хозяину, а рабочий, наоборот, оказывается в накладе. За эти же годы замечено снижение размеров заработка приисковых рабочих в среднем на 20% и значительное удлинение рабочего дня. По закону 1838 г. рабочий обязан был трудиться не более как с 5 часов утра до 8 вечера с перерывом на обед. В этих пределах рабочий день определялся контрактами 40-х годов (12¹/₂-14 часов). С введением же машин, с законом уже почти не считаются, и рабочий день определяется по контрактам нередко до 15 час., а на деле бывает и больше.

О жизненных удобствах рабочего в годы крепостного права хозяин мало заботился, если не считать доставки необходимого продовольствия. Жилищный вопрос разрешался до чрезвычайности просто: рабочие сами себе строили землянки и курные избушки. Хозяйские казармы были большой редкостью. На казенных горных промыслах проводилось кое-какое пенсионное обеспечение инвалидов-горняков. Им выдавали по два пуда муки в месяц и 1 р. 72 к. серебром в год. Была и богадельня, но в ней в 1851 г. было всего-то 33 мужчины и 2 женщины. На частных промыслах и этого не было. Не было и речи о правильной постановке лечебной помощи.

Телесные наказания.

На казенных горных заводах Сибири в годы крепостного рабства всюду знали одно и то же средство заставить рабочих безропотно нести тяжкое ярмо труда. Это беспощадное битье, порка. Горнорабочие, работавшие на положении военно-служащих, подлежали за побеги и преступления военному суду. Обычным наказанием был пропуск «сквозь строй», с наказанием шпицрутенами (гибкая палка-лоза) от 500 до 5000 ударов. Такое наказание, по существу, являлось мучительной смертной казнью. Наказывали также плетями и розгами.

Положение вольнонаемных рабочих на золотых приисках было несколько лучше. Но и частные предприниматели старались подражать готовым образцам казенной жестокости. Они вписывали в контракты вольного найма согласие рабочих на то наказание, «какое определено проектом горного положения заводским мастеровым». Существовали еще так называемые «артельные расправы». С согласия артельного старосты и двух выборных от рабочих, члены артели наказывались за маловажные проступки вычетом в пользу артели части их платы или розгами до 100 уда-

ров. Жестокая система телесных наказаний и человеческого унижения воспитала в среде администрации извергов и тиранов (Разгильдеев, Бекман).

Рабочие волнения.

Какие бы то ни было массовые организованные выступления горнорабочих, в условиях военно-каторжного режима, на казенных рудниках и заводах были по существу совершенно немыслимы. Но стихийные вспышки протеста все же бывали и в эти времена. Подчас они принимали форму голодного бунта. Именно на почве недостатка хлеба, в 1804 г. произошли первые волнения среди рабочих Нерчинских заводов. Обычно с участниками беспорядков жестоко расправлялись. Но иногда и рабочие не оставались в долгу у своих мучителей. В песне нерчинских горнорабочих о жестоком правлении Разгильдеева в 1850 г. рассказывается такой случай:

Штейгер отставки добился,
Но от мщенья не укрылся
Общего судьи.
Ему молотом врасквас
По затылку до трех раз
Ссылный охватил.
А Терентью той порой
Продолбили лоб кайлой,
Выбрали зубки.

Но по большей части недовольство горнорабочих их подневольным трудом выражалось в побегах с промыслов. Бежали рабочие также и с «вольной каторги» на частных золотых приисках. Здесь случались побеги скопом с целого ряда приисков. В 1832 году началось повальное бегство рабочих с приисков Рязанова, Баландина и др. (теперешние Ачинский и Мариинский округа). Бежавшие скопились в селе Кие (ныне г. Мариинск) и здесь «учинили сопротивление» высланной из Томска на их поимку казачьей команде. В 1833 г. скопом ушли 500 рабочих с Рождественского и Бурилевского приисков Поповых. В следующие годы для борьбы с побегами в Кийский и Тисульский районы, Томской губернии, было водворено 5 эскадронов казаков. Усердие местной полиции в вылавливании беглецов, в угоду интересам частных золотопромышленников, поощрялось со стороны представителей высшей власти. Когда томский земский исправник Кусенков не проявил должной энергии в вылавливании беглецов, считая, что золотопромышленники не всегда имеют права на такие услуги полиции и сельских властей, ему за такую «продерзость» попало со стороны самого шефа жандармов графа Бенкендорфа. Внимание Бенкендорфа к интересам сибирских золотопромышленников об'яснялось очень просто. Он имел 14 паев в золотопромышленном обществе Асташева и К^о.

В 1837 году на приисках Томской и Енисейской губернии отмечен целый ряд столкновений рабочих с приисковой администрацией, с избиванием приискового начальства. Иногда эти волнения принимали характер забастовок.

Приведем два примера, относящиеся к тому же году.

17 июня произошла забастовка на Бурилевских приисках Попова. Бросили старательские работы 54 рабочих, требуя отвода лучшей площади. Смотрителю, однако, удалось лаской уговорить рабочих выйти на работу. Все же, когда через несколько дней на прииск пожаловал губернатор, 12 рабочих было подвергнуто телесному наказанию. Такая полицейская расправа—наиболее обычный результат массовых выступлений рабочих.

В этом же году на приисках Бабкова в Ачинском уезде рабочие провели забастовку, добившись удовлетворения их требований о повышении заработной платы с 12 до 15 рублей в месяц.

Наиболее крупные волнения за все время после возникновения золотопромышленности в Сибири до отмены крепостного права произошли в Енисейском округе в 1842 году.

Эти волнения, по имеющимся сведениям, усмирялись самым суровым образом. Жандармский офицер, обычно, окружал рабочих военным отрядом, приказывал солдатам держать ружья на прицел и об'являл, что если кто-нибудь из рабочих пикнет, то он велит стрелять. Затем некоторых арестовывали и отвозили для отдачи под военный суд с его нещадными приговорами.

Как видим, первые волнения рабочих на горных промыслах в Сибири в крепостные годы выражаются по большей части в стихийных возмущениях, нередко с физической расправой над отдельными представителями администрации.

Рабочие волнения, понятно, не мало испортили крови начальству. Эти волнения слишком резко противоречили общему духу крепостной эпохи, культивировавшей всеобщую приниженность и рабское повиновение.

II. Из крепостного рабства в хозяйскую кабалу.

«Нанялся—продался».

«Не слушался матери-отца—
Послушайся мальцевского колокольца».

Поговорки таежников.

«Мы по собственной охоте
Были в каторжной работе—
В Северной тайге.
Там пески мы промывали,
Людам золото искали—
Себе не нашли».

Из песни енисейских таежников.

Правовые и хозяйственные изменения в условиях труда горнорабочих.

Отмена крепостной зависимости в 1861 году нашла свое отражение и на горных промыслах в Сибири. Крепостнические отношения между государством и горнорабочими сменились отношениями вольного найма, принудительный труд на горных заводах и промыслах постепенно отходил в область преданий.

Одновременно происходили значительные хозяйственные изменения в постановке всего горного дела в Сибири. Прежде всего, государственные горные заводы и рудники, возникшие в крепостническую эпоху, очень плохо приспособляются к новым правовым отношениям, к тому же они постепенно вырабатываются. Государство еще пытается цепляться здесь за подневольный труд, продолжая пополнять каторжными кадрами горнорабочих на Нерчинских рудниках и сохраняя еще некоторое время принудительный труд для алтайских горнорабочих в порядке военной службы. Кадры рабочей силы на государственных и кабинетских горных промыслах постепенно редуют, и казенные горные заводы в Сибири замирают и ликвидируются. Зато, наоборот, гремит «золотая тайга». Сюда устремляются новые тысячи рабочих. Основная масса горнорабочих Сибири в эту эпоху занята именно в золотой промышленности.

На условиях труда на золотых приисках мы должны здесь подробнее остановиться.

Как мы знаем, в частной золотой промышленности в Сибири еще в крепостническую эпоху установились ярко выраженные кабальные отношения между рабочим и нанимателем. И теперь рабочий характеризует условия труда на золотых промыслах не иначе, как «вольной каторгой». Везде устанавливались чисто кабальные отношения найма с отбиранием паспортов до истечения срока контракта, с содержанием за счет промышленников полицейской стражи, охранявшей святость и ненарушимость контракта рабочими. Надзора, охранявшего рабочие интересы, не было.

Система закабаления горнорабочих по годовым контрактам с золотопромышленниками поддерживалась рядом административно-полицейских мероприятий. Ссылно-поселенец одновременно с выпиской паспорта на право отлучки с места приписки должен был покрыть годовой оклад податей. Золотопромышленник возвращал паспорт не иначе, как после покрытия рабочим всех причитавшихся с него недоимок, как казенных, так и хозяйских.

Положение рабочих по сравнению с крепостнической эпохой все же постепенно улучшалось. Предприниматель не мог теперь подражать готовым образцам палочной системы на казенных промыслах. Процент голяков-поселенцев среди приисковых рабочих все больше начинает убывать, преобладают полноправные рабочие, имеющие хозяйственные связи с деревней. Совсем таки за бесценок они не согласны пойти в кабалу. Они умеют и могут лучше работать, но вместе с тем требуют и лучших условий труда.

Заработная плата и производительность труда.

В 1860-х годах рабочие зарабатывали на хозяйских харчах от 42 до 65 коп. в день, а через 20 лет—от 56 коп. до одного рубля. В среднем же за эти годы можно отметить повышение заработной платы до 65%. За эти же годы цены на продукты и товары в приисковых лавках, если и выросли, то не так уж много. Но это повышение зарплат доставалось рабочему не даром. За лучшую плату предприниматель требовал и большей производительности труда. Между тем как в 40-х годах добычу одной кубической сажени песков выполняли в день при работе с лошадью *три* человека, теперь уже весьма обыкновенным уроком считается две сажени на *два* человека. Труд ссылно-каторжных и даже вольных рабочих на кабинетских приисках в крепостное время никогда не был так производителен.

Теперь интересно установить, какой окончательный результат дала рабочему столь напряженная работа при неограниченном дне. Заработная плата возросла, но что же в конце-концов получал рабочий на руки, когда он возвращался домой после проведенного в тайге операционного срока? Денег, заработанных рабочим в самых богатейших золотоносных районах, часто хватало только лишь на хорошую попойку. И в тайгу назад рабочего гнала, строго говоря, не столько злокозненная страсть к винному зелью, о которой так много говорилось, сколько самая горькая нужда.

Часто выходило и так, что к концу операции при окончательном расчете с хозяйским «амбаром» у рабочего оказывался «перебор», и ему «на руки» ничего не приходилось. Иногда этот перебор переносился из года в год. Число таких неоплатных должников, закабалившихся золотопромышленникам, росло из года в год.

Рабочий день.

После тяжелой работы не плохо бы и отдохнуть. Вот этого-то как раз и не удавалось. Рабочий день на приисках попрежнему продолжал затягиваться до крайних пределов. Были забыты и те немногие праздничные дни, которые еще считались свято на памяти стариков в годы крепостной неволи. Перестали праздновать даже и воскресенье. Закабаленные капиталом рабы потеряли право на еженедельный праздничный отдых. Царская власть писала новые законы в угоду промышленникам. Устав о золотопромышленности, изданный в 1870 г., совершенно выбра-

сывал нормировку рабочего дня и праздничного отдыха, что было ранее предусмотрено законом 1838 года. Закон 1895 года также обошел «щекотливый вопрос» о норме рабочего дня, а обязательный воскресный отдых был установлен только на зимнее время—с 1 октября по 1 апреля. На время же летней операции за рабочими весьма осторожно было признано «право» не работать два дня в месяц. Следовательно, и эти два льготных дня совсем не были обязательным правилом. В договорах 1890 г. мы находим от 9 до 13 нерабочих дней в течение года, при чем на летние месяцы приходился только один отдых. Промышленники давали эти отдыхи по своему усмотрению. Позже, правда, и на сибирские промысла был распространен общий закон о промышленных рабочих 1897 г., который устанавливал 11½ часов для дневной работы и 10 часов для ночной. Но никаких пределов для сверхурочных работ попрежнему установлено не было, а, следовательно, на деле не было никакой нормировки рабочего дня.

Пищевое довольствие и винная порция.

Крайне трудный и острый вопрос о пищевом довольствии рабочих, из-за которого всегда выходило не мало тревожений на приисках во все времена, вплоть до Ленской забастовки 1912 года, наконец, получает какое-то обязательное нормирование. По закону 1895 г., размер его определяется горнозаводским присутствием (кроме чиновников, там представляли промышленники; рабочих, конечно, не было). Томское присутствие определило следующие обязательные месячные нормы пищевого довольствия на приисках: 1 п. 25 ф. ржаной муки, пшеничной муки—10-20 фунт., крупы—10-15 ф., коровьего масла—1 фунт, соли—3 фунта, мяса свежего или соленого—1¼-1½ ф., капусты квашеной зимою—по ½ ф. в месяц, кирпичного чая—не менее 60 золотников. Этот паек был несколько сытнее тех скудных норм довольствия, которое рабочий получал в дни крепостного права. Но все же и он во многом был недостаточен при той напряженной работе, которая требовалась от рабочего в последние годы. Особенно мало жировых веществ.

Пища, конечно, далеко не всегда была доброкачественна. Врач, работавший на приисках в Южной тайге, Енисейской губ., говорит о том, что солонина, которая дается в пищу на всех приисках, нередко бывает испорчена, и описывает такой случай:

«Меня остановили рабочие, прося посмотреть, чем их кормят. Это было как раз во время обеда. На столе около помещения рабочих стоял большой чан, из которого поднимался густой пар. Вокруг стола сидели рабочие. Еще не доходя до стола, я ощущал гнилой запах испорченного мяса. Щи из него, наполнявшие чан, имели вид краснобурой жидкости весьма неприятного запаха, на поверхности которой плавала густая красноватая пена и значительное количество червей. Вынутые куски мяса представлялись темногрязноватыми и были пронизаны большим количеством червей».

И такие случаи очень часто сходили для золотопромышленников безнаказанно. А много позже—в 1912 году—на приисках Ленской тайги из-за недоброкачественной пищи разразилась буря. Не забывшие еще недавнюю суровую эпоху крепостнических взаимоотношений, золотопромышленные рабочие были все же слишком терпеливы.

Неотъемлемой частью довольствия приискового рабочего была «винная порция». По большей части она давалась раз в неделю, по воскресным дням, утешая рабочих за потерянный воскресный отдых. Обычный размер— $\frac{1}{100}$ ведра, в дни отдыха—больше. Правительство поощряло эту обязательную выпивку приисковых рабочих, и для Восточной Сибири она была с 1876 года закреплена постановлением генерал-губернатора, барона

Фредерикса. За то преследовались самыми решительными мерами тайные спиртоносы, доставлявшие водку на прииска для обмена рабочим на собранное ими золото. Правительство и промышленники вели борьбу со спиртоношеством, так как видели в этом одинаковый ущерб как казне, так и хозяйскому карману (утечка золота, прогулы). Не мало кровавых историй разыгрывалось на этой почве в таежной глуши.

Хозяйские лавки.

За всем необходимым, что нужно было купить рабочему сверх полагавшегося ему натурой довольствия, он должен был обращаться в хозяйскую лавку, так как никакая частная торговля на приисках не разрешалась, и уже, конечно, о кооперации не было и помину. Цены в хозяйских лавках долгое время были совершенно произвольные. Рабочего могли обирать, как хотели. С 1861 г. горным исправникам было предписано собирать золотопромышленников на общие собрания для установления такс на товары. Выработанные таксы утверждались исправником. «Охрана труда» в эту эпоху, как мы снова видим, проводилась лишь в добром контакте с самими нанимателями, под полицейским контролем (только с 1895 года утверждение такс было передано окружным инженерам). Золотопромышленники, конечно, составляли расценки без убытка для себя. При наличности монополии в торговле, лавки стали вполне узаконенной добавочной статьей дохода золотопромышленников. Так, по Томскому горному округу в 80-х годах средняя лавочная прибыль составляла около 27 рублей с каждого рабочего за год.

Многие прииски с истощившимся золотом держались только на лавках.

Лечебная помощь и обеспечение инвалидов труда.

По закону 1838 года, рабочим предоставлялось самим договариваться с предпринимателями, на каких условиях их будут лечить, при чем допускались вычеты из заработка за лечение. По закону 1895 года была установлена бесплатная лечебная помощь. Это была далеко неудовлетворительная фельдшерская помощь. Интересы хозяина диктовали—не поощрять прогулов, хотя бы и связанных с действительной необходимостью лечения и отдыха. Прогулы были не в интересах рабочего, так как больные дни не оплачивались. Только в случаях серьезной болезни и крайней слабости рабочий не прочь был лечь в больницу. Врачи и фельдшера, получая жалованье от предпринимателей, не были независимы, когда им приходилось отстаивать интересы рабочих. Но все это не могло скрыть значительную заболеваемость приисковых рабочих. Средний процент больных поденщин колебался от 3 до 7, а годовая смертность—от 1 до 2% и более. Так как на прииски попадали отборно здоровые люди, преимущественно в самом трудоспособном зрелом возрасте, процент невыходов по болезни и смертности нельзя не признать очень высоким. Господствующими болезнями на приисках были цинга, ревматизм, лихорадка, инфлуэнца и ушибы.

Крайне тяжелый труд на золотых промыслах разрушительно действовал на организм рабочего. По наблюдениям доктора Крутовского, общий тип промыслового рабочего рисовался в то время следующим образом:

«К 40-50 годам жизни, после 10-16 лет приисковой работы, у рабочего расширенные вены, перерожденные артерии. Сердце уже отказывается работать, появляются отеки, застой крови, перерождение печени, параличи и масса других заболеваний. Все это неисправимые болезни, обязанные своим происхо-

ждением условиям приисковой жизни и работ. Это печальный тип приискового инвалида, искалеченного непосильным трудом, для которого нет спокойного угла, нет богадельни, и удел его преждевременной старости—нищета, голод, холод и смерть или в больнице, или где-нибудь под забором».

Обеспечение инвалидности проводилось по закону 1895 г. исключительно лишь в случаях увечья «по хозяйской вине». Если случай был легкий, то хозяин оплачивал поденщину впредь до выздоровления. В случаях же тяжкого увечья или смерти, хозяин отделялся выдачей пострадавшему или его семье платы, причитавшейся до конца наемного срока (срок найма не превышал года) в тройном размере. Нужно было еще разбираться, таскаясь по судам, виноват ли в увечьи действительно хозяйский недосмотр или налицо оплошность самого рабочего. Да и хозяйское пособие обеспечивало не надолго, и инвалиду-горняку приходилось или умирать без призора, или брать нищенскую суму в надежде на мирскую благотворительность.

За счет своих диких барышей золотопромышленники не прочь были устраивать столь же дикие кутежи, безрассудно мотая деньги. Не прочь были пустить пыль в глаза возведением богатых убранством церквей в притаежных городах, подготавливая этой мишурой свое благополучие в «царстве небесном».

Школьное дело и культурно-просветительная работа.

Приисковая рабочая масса была почти сплошь неграмотной и о какой-либо культурно-просветительной работе не было и помину. Лишь очень редко в этом деле проявлялся частный почин приисковой интеллигенции. Школы для детей рабочих на частных промыслах стали появляться лишь в недавнее время. В 1895-96 годах в Томском горном округе было всего 5 школ, на Лене—3 школы. В годы крепостного права школы были только на кабинетских промыслах Нерчинского и Горно-Алтайского округа.

Штрафы и телесные наказания.

Прочность кабальных отношений по контрактам о найме охранялась целой системой дисциплинарных взысканий. Попрежнему рабочему грозили не только штрафом, но и розгами.

Штрафы измышлялись в контрактных договорах по всем мыслимым и немыслимым поводам (уклонение от работ, неявка в срок, прогулы, мнимая болезнь, побег, пьянство, картежная игра, драки с увечьем, увечье лошади, уклонение жены от обязательной работы, невыработка нормы, торговля спиртом и т. д. и т. д.). В договорах Базилевского (Ленская тайга) в 70 и 80-х годах вводилась круговая порука по выплате штрафов, даже если и не нашли виновного: «в том случае, если управлению не удастся определить виновных, то таковых обязываемся найти и указать управлению сами, в противном случае штраф назначается по раскладке на каждого из нас, в одном месте работавших или живущих». А в договоре Аканак-Накотаминского Т-ва 1886 года встречаем оригинальную предупредительную меру против стачки, которая в те годы, видимо, уже была серьезной угрозой для золотопромышленников: «ни под каким предлогом не должны делать между собой общей стачки, сговора, забастовки, чтобы не выходить на работы, а если это учиним, то лишаемся всего причитающегося каждому из нас заработка в пользу Т-ва». По договорам Ленского Товарищества в 1890, 91 и 94 г. г. рабочие, ушедшие самовольно до окончания срока договора, должны были платить неустойку в 50 рублей. Таким образом, это молодое и в то же время крупнейшее

предприятие Ленской тайги уже с первых шагов шло дальше других золотопромышленников в закабалении рабочих.

С отказом от крепостных принудительных отношений последовала официальная отмена телесных наказаний, ограждавших святость этих отношений. Для лишенных прав ссыльно-поселенцев порка была сохранена.

Помимо совершения мелких уголовных проступков и нарушения договора найма, в числе предлогов к телесному наказанию ссыльно-поселенцев мы встречаем еще и борьбу с симуляцией болезнью. На Ленских приисках в 1890 г. отмечены случаи, когда такие «рецепты» прописывались самим врачом. В то же время по договорам на Олекме взимался штраф «за самовольное уклонение от работ под предлогом болезни—2 р.». Золотопромышленники нисколько не стеснялись опорочить «нелицеприятную» горно-полицейскую юстицию поощрительными подачками за каждую отдельную экзекуцию. Еще в 90-х годах в расходных книгах енисейских промышленников встречались выписки из хозяйского амбара табаку и сахару полицейским урядникам и стражникам с такими пометками: «за считание», за «сечение». Обычные «порции», отпускавшиеся в эти годы рабочим из поселенцев, были от 50 до 100 розог. Особенно отличался нещадной поркой витимских и олекминских рабочих горный исправник Траскин, который заставлял кланяться в ноги. Этот «барин» еще в 1890 г. назначал ссыльно-поселенцам до 200 розог.

Помимо узаконенного применения телесных наказаний к ссыльно-поселенцам, было сохранено и самосечение в артельном порядке. «Артель» могла подвергать рабочих наказанию розгами до 30 ударов, наряду с денежным взысканием до 3 р. и арестом до 7 дней. Однако, рабочие не обнаруживали готовности истязать друг друга. Артельные старосты отказывались давать свое согласие на порку полноправных рабочих. У рабочих начинало развиваться чувство собственного достоинства. Особенно решительное сопротивление в этом отношении проявили рабочие Ленских приисков, и Якутский губернатор Светлицкий в 1887 г. вынужден был сообщить царскому правительству, что «ввести партионные расправы на золотых приисках не представляется возможным».

Окончательно были отменены партионные расправы только законом 1895 г. Взамен их дано было право золотопромышленникам налагать на рабочих денежные взыскания и штрафы, которые должны были идти в специальный капитал для выдачи пособий больным и увечным воинам. Зато более широко начали применять, как меру наказания, преждевременный расчет рабочего с работы до окончания срока найма. А горные исправники присвоили себе право, на основании хозяйских отзывов, составлять списки рабочих, по которым их нигде не нанимали. Эти «черные списки» или, по-таежному, «грязные списки», печатались и рассылались по всем промыслам. Список, составленный томским горным исправником в 1884-85 г. г., включал 719 фамилий.

Жестокое обращение приисковой администрации и самочинные кулачные и нагаечные расправы были слишком широко распространены. Иногда сведения о них проникали даже в местную подцензурную печать. В томской газете «Сибирский Вестник» за 1887 г. № 44 мы читаем корреспонденцию, повествующую о том, как управляющий приисками Мальцева и К^о (впоследствии Южно-Алтайское Золотопромышленное Дело) Сычев бил рабочих арапником:

«А если найдется из них такой, что вздумает вооружиться против начальника арапника, то он немедленно отправляется с прииска за конвоем до р. Балыкса и там, прежде, чем он сядет в лодку, его предварительно, по распоряжению того же управляющего, при помощи стражников и конюхов, угостят березовой кашей так, что он плывет до жилого места еле живой. Жаловаться у нас не полагается, да и каждому рабочему известно, к чему ведут жалобы:

как раз челобитчика ждет от непосредственного приискового начальника, к которому он обратится с жалобой, угощение еще обиднее».

Случаев избиения самой администрацией на приисках вообще известно не мало и в эти годы и много позже.

Для отстаивания своих интересов в борьбе с хозяйским произволом приисковые рабочие уже в эти годы пытались искать какие-либо организационные формы и объединялись в рабочие артели. Выбирали старосту или руководящую тройку, которые и представляли от имени объединяемых ими членов перед администрацией.

Волнения и стачки.

Начиная с 1870 года, волнения среди приисковых рабочих стали более частыми. И за последующие 25 лет на приисках Сибири только по официальным документам, собранным В. И. Семевским, было 45 волнений и стачек. Нередки были случаи вызова войск.

Далеко, конечно, не все волнения приисковых рабочих регистрировались в официальной переписке. Если дело удавалось как-нибудь уладить без громких последствий, администрация и горная полиция просто замалчивали его, не создавая излишней переписки. Мы дадим описание лишь некоторых из этих волнений, о которых имеются более полные официальные сведения.

Проявление глубокого чувства товарищеской солидарности видно в забастовке и волнениях рабочих в 1890 г. на Троицком прииске в Минусинском округе. Это дело послужило поводом к судебному разбирательству, и архив Енисейского губернского суда сохранил ряд документов, рисующих яркие подробности этих волнений. Здесь прежде всего рисуется столь обычная на приисках грубость с рукоприкладством, проявленная управляющим прииском Николаем Барташевым (сын владельца прииска). Ранним утром, после шумной ночной попойки, Барташев вышел на раскомандировку рабочих на конном дворе. Пьяный молодой хозяин шумел и буянил среди присмиривших возчиков. Под руку ему попался возчик Рудольф Вейнинг, который, как и другие, хомутал своего коня. «Что ты копаешься» — крикнул Барташев и на глазах всех товарищей Вейнинга ударил его. От второго удара Вейнинг уклонился и бросился бежать. Барташев же с револьвером в руках, в сопровождении казаков с обнаженными шашками и конюхов с топорами и арканами, устроил целую облаву за непокорным рабочим. Вейнинг был пойман, избит в кровь и закован в кандалы. Сверх того он получил, по показанию свидетелей, от 20 до 25 ударов розгами, «хотя их никто не считал».

Крики избиваемого Вейнинга переполошили весь прииск. Собравшиеся рабочие требовали его немедленного освобождения и бросили работу до удовлетворения этого требования. Тем временем Вейнинга под конвоем двух казаков успели уже увезти с прииска. Вслед удрал с прииска и Барташев. Тогда собравшиеся рабочие арестовали казачьего урядника Захара Козьмина (старший полицейский чин на прииске), который был известен жестокими избиениями при поимке беглых (впоследствии Козьмин был убит одним из беглых). При аресте с него сорвали погоны, порвали шинель и малость поколотили. Затем его посадили в каталажку, приставив к ней для предупреждения побега и ограждения от насилий караул из рабочих. Так в глуши Абаканской тайги в 1890 г. была свергнута полицейская власть, целиком вставшая на защиту хозяйского произвола. В борьбе с этим произволом у рабочих другого пути не было. Пять дней

продолжалась забастовка, во время которой рабочие поддерживали строгий порядок. Не было и пьянства. Пять дней сидел под арестом урядник.

12 февраля на прииск приехал горный исправник, но рабочие заявили, что они не будут отвечать на допрос, пока не будет возвращен Вейнинг.

Во время переговоров рабочий Гринберг передал исправнику прошение от имени всей артели. Оно содержало приведенное уже нами вкратце описание всего дела и начиналось такими словами: «Ваше Высокоблагородие! Во-первых, мы... стеснены здесь своей свободой в настоящей жизни и, во-вторых, убиты работой, а затем еще с нами обращаются так бесчеловечно: бьют нас и наказывают розгами»...

На другой день на прииск прибыла военная команда, в числе 27 человек, при одном офицере. Хотя рабочие все еще не хотели отказаться от требования освобождения арестованного товарища, грозя уходом с прииска, исправник стал разговаривать с ними совсем иначе. В своем протокольном постановлении исправник писал:

«Никакие убеждения на них не действуют. Нашел необходимым для острастки рабочих наказать розгами 10 человек поселенцев, из числа уходивших с прииска, дав им по 25 ударов».

Но толпа гудела: «драть, так всех драть!».

В такой решительный момент исправник, как он сам сознается, несколько оплошал и второпях выпорол, вместо поселенцев, «полноправных граждан». — Разобрались в званиях и сословиях уже после того, как экзекуция была окончена. «Порядок был восстановлен». Рабочие вышли на работу.

Арестованные по этому делу рабочие в своих прошениях, поданных товарищу прокурора, заявляли, что исправник, «будучи кумом Барташева», проявил свое полнейшее пристрастие, и совершенно остался в стороне настоящий виновник — Н. Барташев, который «принял на себя роль какого-то таежного царька, могущего все сокрушить и уничтожить». Подавали заявления рабочие о явном пристрастии и угрозах со стороны исправника и при допросе их в Минусинской тюрьме. Рабочие требовали от прокуратуры назначения беспристрастного следствия.

Писали они и губернатору, ища у него защиты против хозяйского и полицейского произвола.

Но высшая административная власть в губернии, как и прокурорский надзор, не обнаружила ни малейшего желания признать право рабочих на борьбу с хозяйским произволом. Окончательное слово власти было предоставлено сказать губернскому суду.

На суде, между прочим, еще лишний раз вскрылась интимная близость частного капитала и царской полиции. Полицейская стража сама, не стесняясь, заявляла на суде, что она целиком подчиняется хозяйским распоряжениям в деле расправ с рабочими.

Осенью 1890 года приговором Енисейского губернского суда была решена участь 108 подсудимых по этому делу. Признавая их виновными «в явном против властей, правительством установленных, восстании, сопровождавшемся беспорядками и явным насилием по предварительному уговору», суд постановил четырех подсудимых, по лишении прав состояния, сослать в каторжные работы на 15 лет каждого; троих, уже лишенных прав состояния, по наказании плетьюми каждого в размере 100 ударов, обратить в каторжную работу на 20 лет, с содержанием в разряде испытуемых в течение 10 лет; 7 рабочих, по лишении всех прав и преимуществ, заключить в тюрьму на 1 год и 3 месяца; троих рабочих, по наказании плетьюми каждого по 25 ударов, обратить во временную работу на заводах на один год и 6 месяцев, 53 человека заключить в тюрьму

на 4 месяца, 11 человек—наказать розгами по 75 ударов, 22-х арестовать при полиции на 1 месяц и, наконец, 5 человек наказать розгами по 25 ударов.

Остановимся еще на волнениях рабочих в Ленской тайге. С 90-х годов здесь начались крупные золотопромышленные работы по р.р. Олекме и Витиму.

Наиболее резкие столкновения происходили из-за ареста товарищей, выступавших в защиту всей команды. Иногда дело ограничивалось шумными демонстрациями и протестами рабочих, как было в апреле 1876 года на Успенском прииске. Иногда происходили столкновения с горными стражниками, с избиением и бегством последних.

30 августа 1876 года команда Благовещенского прииска, действуя сплоченно и дружно, требовала освобождения арестованного рабочего и удаления с приисков полицейских стражников-черкесов. Черкесы и администрация перепугались и попрятались. Одного из черкесов поймали и избили. После того все успокоились. А тем временем на прииска был вызван вооруженный отряд из Иркутска в 80 человек, во главе с капитаном Грамотиным.

Грамотин сначала заковывал вызываемых на допрос и уж потом допрашивал, держа их под крепким караулом.

По собранным Грамотиным материалам, Якутский окружной суд вынес следующий приговор: «двух участников наказать плетью—одного, 15-ю, а другого 30-ю ударами и обратить во временную работу на заводах на 3 года, шестерых рабочих подвергнуть аресту на 1 месяц и одного на 7 дней, а двух поселенцев наказать по 30 ударов плетью».

В мае 1882 г. произошли волнения на прииске Благовещенском. Рабочие требовали освобождения своего арестованного товарища и удаления с прииска урядника Шахурдина и служащего Милевского за их жестокое обращение. Дело здесь кончилось побоищем с казаками, которым очень попало от рабочих. Немчинов и Милевский бежали с прииска. Успокоившись, рабочие вышли на работу. Судебным приговором Якутского окружного суда 5 рабочих были приговорены к каторжным работам от 8 до 14 лет с наказанием плетью.

В августе месяце управляющим приисками был назначен Серебренников. С 20-х чисел сентября начали отказываться исполнять его распоряжения и даже стали появляться прокламации.

В октябре исправник получил анонимное письмо*):

«Господину горному исправнику.

Доносится: на прииске Благовещенском будет страшная суматоха, которой помогают с Аканаку, и даже намерена команда первым долгом кончить жизнь Серебренникова, такого собаки, который сейчас управляет и по-собачьи обходится с командой. Это—вы имейте в виду—скоро сбудется. Еще присовокупляю: пропадут оба хозяева приисков, затем пострадают некоторые лица—служаки и чернорабочие».

На Благовещенском и Успенском приисках вместе было до 3½ тыс. рабочих.

Не имея в своем распоряжении достаточно воинской силы, исправник не мог защитить Серебренникова и счел благоразумным, чтобы Серебренников скорее уехал с прииска.

В 1883 году на Витимских приисках вышли довольно большие осложнения из-за празднования «священного коронования их император-

*) Письмо грамматически нами выправлено.

ских величеств». Вопрос был о том: два или три дня праздновать. Рабочие хотели воспользоваться третьим днем отдыха и шумно обсуждали этот вопрос, подозревая администрацию в обмане и «сокрытии манифеста». А администрация, не имея точных распоряжений от власти, не хотела лишиться лишнего рабочего дня. «При этом, как доносил исправник, рабочие, пользуясь случаем собрания их, стали заявлять и другие многие претензии, не имеющие ничего общего с коронацией». Мы отмечаем этот случай, чтобы установить, что у приисковых рабочих была какая-то смутная «вера» в манифест, в заступничество за них с царского престола.

Основное содержание волнений горнорабочих этого периода—массовый протест против хозяйско-полицейского произвола. Правительственная власть, не довольствуясь расправами на месте, создавала ряд крупных судебных процессов с десятками и сотнями обвиняемых, заканчивавшихся всякий раз обвинением рабочих и оправданием администрации и полиции. Стачки все еще не являлись преобладающей формой борьбы труда с капиталом. В своих выступлениях рабочие проявляли яркие чувства пролетарской товарищеской солидарности и способности к массовым действиям.

III. На пути организованной борьбы.

Мне пред'явлены требования общего собрания бастующих...

Забастовка... принимает упорный характер. Видна хорошая организация...

Местная команда вынуждена была выстрелить, чтобы остановить толпу. Есть убитые и раненые. Положение тяжелое.

Теперь на приисках спокойно.

Из телеграмм управляющего Ленскими приисками Теппана 4/III—6/IV-1912 г.

Накануне XX века.

На грани XIX и XX века горная промышленность в Сибири пережила новый период хозяйственной перестройки. Повлияло крупнейшее событие в хозяйственной жизни Сибири—проведение сибирской железной дороги. Сохранившиеся еще от крепостных времен железоделательные заводы (Лучихинский, Николаевский, Абаканский) оказались в стороне от железнодорожной магистрали и были окончательно осуждены на умирание. Железнодорожный путь облегчил доступ в Сибирь уральского железа. Зато потребность железной дороги и нарождающейся городской промышленности вызвала к жизни новую отрасль горного дела—добычу каменного угля. В 1897 году открылись Судженские копи, в 1898 г.— Анжерские и Черемховские. С 1913 года Анжерские и Судженские копи перешли к «Акционерному об-ву копей и заводов Кузнецкого бассейна» («Копикуз»), которое приступило к оборудованию Кемеровского и Кольчугинского рудника (ныне Ленинск).

Крупные изменения происходили и в состоянии золотопромышленного дела в Сибири. Наиболее легкие для добычи золотоносные площади уже выработались. Затраты оправдывались только при применении новейших способов обработки золотоносных песков, путем механизации и вложения крупных оборотных средств. На смену старинным золотопромышленным машинам в сибирскую тайгу проникли железная дорога, паровые и электрические двигатели. Умер ряд старых мелких фирм, зато вырос и расширялся крупнейший колосс сибирской золотопромышленности—«Ленское золотопромышленное товарищество» (Лензото). В этом товариществе об'единялись для эксплуатации сибирских недр и сибирских таежников русский и английский капиталы.

Большие изменения происходили в составе промышленного пролетариата вообще в Сибири и, в частности, в горном деле. Массами появлялись квалифицированные рабочие, прошедшие уже пролетарскую школу в фабрично-заводской промышленности по ту сторону Урала. Они нахо-

дили приложение для своего труда и на линии сибирской железнодорожной магистрали, и в городской промышленности, и в глухой сибирской тайге. Вместе с тем, пользуясь железнодорожным путем, из России устремились в Сибирь и в сибирскую тайгу на заработки и «в поисках счастья» представители простого физического труда—рабочие и крестьяне. Попадали сюда и активные революционно-общественные работники, принимавшие уже участие в политической борьбе и в профессиональном рабочем движении. Одни ехали добровольно, другие по необходимости. Процент уголовных ссыльно-поселенцев в общей массе горнорабочих Сибири заметно снижался. Зато после революционного движения 1905-6 г.г. и его последующей ликвидации в Сибирь массами пошли политические ссыльные; частично они проникали в угольные копи и на золотые промысла. Пусть в массе горнорабочих они составляли ничтожный процент, их идейное и организационное влияние скоро становилось уже заметным и отражалось во всей дальнейшей борьбе горнорабочих в Сибири.

И еще один новый штрих в горной промышленности в Сибири,—начала впервые проявлять себя государственная охрана труда в лице чинов горного надзора. Окружной горный инженер вселился в район ленских приисков. Представители горного надзора играют посредническую роль. Они были формально независимы от частного капитала, не состояли у него на жалованьи, как чины горной полиции. Но классовая природа государственной власти, которой они служили, сказывалась, и по существу представители горного надзора в трудовых конфликтах гнули хозяйскую линию. Их желание стать на почву закона также не всегда приносило пользу рабочим, так как закон охранял интересы рабочих в горном деле гораздо слабее, чем интересы предпринимателей. К тому же в золотой промышленности в полной силе сохранились прежние кабальные отношения.

Забастовочное движение накануне революции 1905 года.

Поскольку в дальнейших событиях в истории рабочего движения в Сибири первенствующая роль принадлежала горнорабочим Ленской тайги, мы полнее остановимся на постепенном развитии здесь забастовочного движения в период, предшествовавший ленскому расстрелу 1912 г., и, прежде всего, в период до революции 1905 года.

В 1901 году на Ленских приисках были две забастовки. Одна—с 2 по 9 января на Нижнем прииске Ленского товарищества с 1.700 участниками, а другая—с 9 по 16 января на Прокопьевском прииске Бодайбинской компании—с 800 участниками.

Требования бастующих на Нижнем прииске были заявлены через их выборных представителей. Они сводились к следующему: 1) увеличение денежной выписки, 2) разрешение свободного доступа на прииски частных торговцев, 3) увольнение некоторых служащих, 4) удаление заведующего полицейской частью 2-й дистанции Селиванова.

Горный исправник и окружной инженер обходили казармы, убеждая каждого рабочего в отдельности выйти на работу и получали один и тот же ответ: «как команда, а мы хотим работать». Пришлось собрать всех рабочих и говорить со всей командой. Мало того, пришлось договориться с выборными представителями от рабочих. И договорились на полном удовлетворении требований забастовщиков. При всем своем нежелании, пришлось исправнику уступить в требовании, удовлетворение которого зависело только от него: урядник Селиванов был переведен на другой прииск с устранением его от полицейского надзора на всех приисках.

Как будто бы упорство всего тройственного блока—частного капитала, полиции и горного надзора окончательно было сломлено. Но на приисках был еще мировой судья (прежние бессудные времена прошли). И вот он плетет еще какие-то петли для рабочих. Телеграфное донесение горного исправника губернатору об исходе забастовки гласит:

...«Особых беспорядков не было. Стачка причинила существенный ущерб делу. Протокол составлен. Судья приступил к следствию».

Забастовка на Прокопьевском прииске закончилась не так удачно.

На другой день забастовки, обсудив свои требования на собраниях, забастовщики через своих выборных предъявили их администрации в письменной форме. В сообщении горного исправника губернатору эти требования сведены к двум важнейшим пунктам: 1) увеличение заработной платы и 2) увольнение смотрителя Опрокиднева.

В дальнейшем ходе забастовки требования рабочих, видимо, были пересмотрены и увеличены. По уверению администрации, они оказались для нее совершенно неприемлемы. Об этом говорит совместная телеграмма горного исправника и окружного инженера от 15 января 1901 года.

«Срочно. Иркутск. Губернатору. Копия Начальнику Горного Управления. Сегодня утром после свистка по казармам было предложено рабочим выйти на работу. Желающие влиянием упорствующих не решились выйти. Стачка продолжается. В 11 часов утра начинается расчет. В моем распоряжении имеются всего 25 вооруженных берданками казаков под начальством командира отряда. Беспорядки предвидятся.

Горный исправник Львов.

Окружной инженер Левицкий».

Заручившись одобрением губернатора, исправник вывесил об'явление, в котором довел до сведения рабочих требование губернатора прекратить стачку под угрозой «строжайшей ответственности». 16 января они возобновили работу, поставив администрации всего лишь такие условия: 1) чтобы никто из забастовщиков не был уволен, 2) чтобы против них не было никаких судебных преследований, 3) чтобы всем выдали по две сотни водки. Забастовка была ликвидирована также дружно и организованно, как и началась. Команда собралась, все в полном составе, выстроившись около казармы. Были вызваны исправник и окружной инженер. Выборный представитель рабочих Мельниченко заявил от имени всей команды вышеприведенные требования.

Что ответил и что сделал исправник, как высший представитель власти и наиболее ответственный защитник частно-предпринимательских интересов, видно из его двух телеграмм губернатору от 15 января и от 16 февраля.

1. «Я об'явил, что никто без вины рассчитан не будет, и распорядился подать всем рабочим винное положение».

2. «Считаю долгом донести, что выборные, в особенности крестьянин Мельниченко, были главными подстрекателями и руководителями стачки... 16 января возобновились работы, а в течение января не сразу, а постепенно руководители стачки были рассчитаны Управлением».

Такова полицейская честность. Таких верных псов поставляло самодержавие на службу к частному капиталу: волчьи зубы и лисий хвост. И полицейское усердие на службе частного капитала вполне поощрялось матерыми псалями, высшими представителями царской власти в Сибири. Когда исправник совсем таки усердно принялся за очистку приисков от «неблагонадежных элементов», он получит полное одобрение свыше. Телеграмма на имя витимского исправника из Иркутска от 15 марта гласит: «Не встречаю препятствия выдворению тех, которых необходимо выдворить. Губернатор Моллериус».

7 июня 1902 года бастовало 478 рабочих на Ивановском прииске Ленского товарищества. Требовали увольнения 3 служащих. Добились увольнения одного из них.

Более значительное забастовочное движение развернулось на Ленских приисках в 1904 году. В архиве исправника сохранилось дело с необычайным и пышным титулом:

По описи № 14.

Дело за 1904 год горно-полицейского исправника Витимской системы.

Об уклонении от работ рабочих, находящихся на приисках у подрядчиков и бежавших.

Здесь же описи и телеграммы об агитаторах.

Из этого «дела» мы знаем, что в марте месяце бастовало 700 рабочих на Прокопьевском прииске Ленского товарищества, в апреле 1000 рабочих на Андреевском прииске «Компании промышленности», бастовали рабочие на прииске Ратькова-Рожнова. По тайге гуляло забастовочное поветрие. К сожалению, на более полном описании этих забастовок за недостатком места мы не можем здесь остановиться*).

Все эти забастовки были вызваны условиями работ и грубым обращением полиции и администрации. Рабочие добивались частичных уступок, а затем полиция рьяно принималась за розыск «подстрекателей к бунту» и производила аресты и высылки заподозренных.

Все материалы этого периода говорят о том, что все массовые выступления рабочих выливались в форму стачки. Во время стачки рабочие организуются, ведут переговоры с администрацией через своих выборных. У них всякий раз возникает временная стачечная организация. Это уже шаг на пути к созданию более постоянных профессиональных организаций. Администрация попрежнему еще частенько аттестует выступление рабочих, как бунт. Но это лишь старое привычное выражение. Обе стороны теперь уже достаточно хорошо знали, что такое стачка. Наиболее острые классовые столкновения вызывались не столько чисто экономическими нуждами (они обычно отодвигались на второй план), сколько борьбой рабочих с произволом полиции и администрации. Здесь рабочие без малейшего смущения в своих требованиях объединяли в одну группу всех хозяйских приспешников, будь то представитель администрации, врач, слишком рьяно несущий хозяйскую службу, или, наконец, полицейский чин. Также без лишних мудрствований выступал в борьбе с рабочими тройственный блок в лице частного капитала, царской полиции и горного надзора. «Троица единосущная и нераздельная» по своему классовому естеству. Особенно позорна была роль новорожденного горного надзора — этой уродливой горно-полицейской формы «охраны труда».

От революции 1905 года до Ленского расстрела 1912 года.

Расстрел петербургских рабочих 9 января отразился далеким эхом и у нас в Сибири. Стачечная борьба и революционное движение в Сибири закончились вооруженным восстанием солдат и рабочих в Красноярске

*) См. изданную в Бодайбо книгу Григорьева и Шапирштейна — «К истории рабочего и революционного движения в Бодайбинском золотопромышленном районе. Ленское 9 января — 4 апреля 1912 года».

в декабре 1905 года. Здесь организовался первый в Сибири совет рабочих и солдатских депутатов, первая советская власть. Вспышки вооруженных восстаний в декабре 1905 года, правда, вскоре были подавлены, и по стране прошла полоса кровавых усмирений. Пострадала и Сибирь (Меллер-Закомельский, Ренненкампф). Но взбудораженное рабочее море не скоро еще успокоилось.

Чем сказалась наша первая революция в горняцких районах Сибири? Как отозвались на нее наши горнорабочие?

До сих пор мы не замечали никакой прямой связи между массовыми выступлениями сибирских горнорабочих и рабочим движением во всей стране. Могучий взмах рабочего движения 1905 года частично захватил и сибирские таежные дебри. В 1905 году рабочие Сибири впервые организовали массовые профессиональные союзы, вырабатывали экономические требования, проводили стачки. К этому же времени относятся и первые имеющиеся в нашем распоряжении сведения об организации профессионального союза горнорабочих на приисках Федоровского общества в южной тайге Енисейского округа. Союз был организован на делегатском съезде от рабочих нескольких приисков и назывался «Союз Южно-Енисейских рабочих». Сохранился документ, в котором сформулированы требования рабочих к администрации приисков, выработанные на делегатском съезде и подкрепленные забастовкой. Мы полностью приводим этот интересный исторический документ:

«Требование рабочих Федоровского золотопромышленного общества с приисков: Надеждинского, Прокопьевского, Леонтие-Никольского, Счастливого и Сергиевского об улучшении положения в нижеследующем:

1. Вежливое обращение администрации к рабочим, а также и рабочих к администрации.

2. Восьмичасовой рабочий день.

3. Плата за работу следующая: чернорабочему—от 40 до 45 руб., плотнику—от 50 до 55 руб., слесарям и кузнецам—от 50 до 70 руб.

4. Работать обязуемся все дни, исключая воскресные и двенадцатые праздники, три дня рождества Христова, два дня масленицы и пять дней пасхи без вычета. Если Управление пожелает, чтобы мы работали воскресные дни и двенадцатые праздники, то плата за 5½ часов должна считаться за день в счет текущего месяца.

5. Пищевые продукты должны выдаваться из амбара по припасным книжкам и по следующим ценам: мука ржаная за 1 пуд—1 р., крупчатка 1-й сорт—14 р., 2-й сорт—13 р., 3-й сорт—12 р. за куль, сахар пуд—2 р., соль—1 р. пуд, рыба соленая разная—4 р. за пуд, масло—13 р. за пуд, крупа ячневая—1 р. 80 к. за пуд, просовая и гречневая—тоже 1 р. 80 к. за пуд, чай кирпичный—1 р. 10 к., чай фамильный—по бандероли, мясо—4 р. пуд.

6. Не увольнять мастеровых и рабочих без уважительных и без согласия артели причин. Если же Управление кого-либо расчисляет без причин, то должно выдать увольняемому за 3 месяца то жалованье, которое он получал, и доставить его в то место, откуда он нанят, если же рабочий был нанят на прииске, то вывезти до Каргино.

Если Федоровское общество вздумает прекратиться, то должно удовлетворить рабочих 3-х месячным окладом жалованья.

7. Помещения должны быть согласно с теми, какие выработаны горным уставом: светлые, поместительные, освещение и доставка квартирных дров должны быть за счет общества.

8. Чтобы на прииске был постоянно врач или фельдшер и особое помещение для больных. Приезд священника по просьбе рабочих должен быть за счет общества.

9. Инструмент для мастеровых и рабочих должен быть за счет общества без вычета за него.

10. Выдачу припасов и необходимых вещей Управление должно давать, не взирая на то, что мы должны.

11. Пусть ваше Управление поступает с нами по совести, и мы будем поступать по совести, тогда никто не будет должен.

12. Во время болезни, причиненной на хозяйственной работе, должен итти полный оклад жалованья.

13. Рабочий, получивший болезнь вне хозяйской работы, получает половинный оклад.

14. По смерти семейного рабочего выдать семейству умершего не менее 100 р. и прогоны до местожительства. Из этого пособия вычетов не производить. Этим пособием пользуются и семейства гражданского брака.

15. Каждый год должен быть полумесячный отпуск (15 дней) с половиной окладного жалованья.

16. Забастовочное время считаем рабочим временем, а также и отрядные плотники и пильщики.

17. Никто из-за забастовки не должен быть рассчитан.

18. Забастовка всех приисков будет продолжаться, пока не удовлетворят всех требований».

Следуют подписи делегатов всех приисков Южно-Енисейского горного округа.

Здесь мы находим впервые требования приисковых рабочих, разработанные с исчерпывающей полнотой. Здесь все то основное, за что боролись сибирские таежники долгие годы в разных углах обширной Сибири. Впервые здесь под несомненным влиянием общего рабочего движения и, ближе всего, революционного Красноярска, поставлен вопрос о 8-ми часовом рабочем дне и ряд других неслыханных еще в тайге требований: об оплате больных дней, об ежегодном двухнедельном отпуске, о заштатном пособии и т. д.

Есть и не мало наивного от прежних патриархальных времен: о приезде священника за хозяйский счет, о взаимных обязательствах поступать «по совести». Второй раз столь полную разработку требований приисковых рабочих мы встречаем только во время Ленской забастовки 1912 года.

Далеко ближе глухих таежных районов к революционным событиям 1905 года стояли наши молодые угольные районы. Здесь их влияние, особенно влияние событий на линии Сибирской железно-дорожной магистрали, ощущалось более непосредственно и близко.

На Анжерских коях в 1905 году произошла забастовка, о которой, к сожалению, не сохранилось документальных материалов. Кое-какие сведения об этой забастовке можем дать только со слов старых шахтеров.

Неимоверно тяжелые условия горнорабочих были в то время на коях. Кузбасс еще только начинал разрабатываться. Первые шахты в Анжерке были оборудованы примитивными способами. Ни о какой конной откатке, перфораторном бурении и прочих горных «премудростях» не знали горнорабочие.

Рабочий день под землей доходил до 10-12 часов, а заработная плата неуклонно скользила по наклонной плоскости и докатилась до 30 коп. в смену. Спецдежда также отсутствовала. Квартирный вопрос обстоял крайне тяжело. Ни о каком электрическом освещении, а также о других коммунальных услугах не заикайся. Рабочие жили в сырых, холодных бараках и строили свои халупы-землянки.

Анжерские копи принадлежали раньше железной дороге, поэтому горнорабочие работали на условиях ремонтных рабочих путейцев.

Все эти условия привели к забастовке.

Прекратилась работа. Затихла шахта. Рабочие, революционно настроенные, с пением «Марсельезы» собирались в группы, устраивали митинги, во время которых рабочим раздавались прокламации, призывавшие к свержению самодержавия. В своих требованиях бастующие выставляли: увеличение заработной платы, сокращение рабочего дня, предоставление лучших жилищ и т. д.

Для «усмирения» забастовщиков были высланы войска.

Здесь произошел пожар рудо-правленской конторы. Многие об'яснили его протестом отчаяния со стороны забастовщиков, которые увидели свое бессилие против военной силы, верной еще царской власти. Контора сгорела. Имена и фамилии доброй сотни рабочих, занесенных в черные списки вожаков забастовки, сохранились в тайне.

После подавления забастовки, на копиях начались массовые аресты рабочих. Многим пришлось бежать с копеей.

И только лишь после убийства одним смельчаком-рабочим ненавистного инженера Неклюдова в 1910 году, многие рабочие могли спокойно вернуться к прежней работе.

Далекая Ленская тайга в революционное движение 1905 года не была вовлечена. Тысячеверстные расстояния отрезывали ее от остального мира. Чтобы преодолеть их, нужен был не один рабочий сезон, не одна смена состава рабочих. А там рабочее движение в стране пошло уже на убыль до нового под'ема в 1912 году.

Ленская забастовка в 1912 году.

Ленская забастовка 1912 года и расстрел ленских рабочих царским правительством—далеко выходят за узкие рамки истории рабочего движения сибирских горняков.

Часто сравнивают 4 апреля 1912 г. с 9 января 1905 года, когда мирное рабочее шествие к царскому дворцу закончилось также кровавой бойней. Тогда была расстреляна вера рабочих в царя. Но после незаконченной, недоделанной революции 1905 г., как видно, не все еще иллюзии погибли, а «куцая конституция» с думской говорильней дала некоторые поводы для новых иллюзий. Ленские рабочие учитывали возможную поддержку в борьбе с хозяйским произволом со стороны государственной думы, рассчитывали на некоторое беспристрастие в вопросе о нарушении договора хозяевами со стороны царской юстиции, на рабочелюбие некоторых агентов горного надзора. Верили и в возможность сломить произвол капитала чисто экономической борьбой...

Впервые в Сибири после революции 1905 года мы встречаем такой организованный и дружный отпор рабочих беспощадной эксплуатации. И в результате мирной экономической забастовки со скрещенными на груди руками, с прошениями, адресованными царской юстиции, в карманах—сотни расстрелянных.

О ленских событиях 1912 года издано уже не мало специальных книг, передающих их развитие с исчерпывающей полнотой. Книжки о Лене можно найти в любой рабочей библиотеке. Поэтому мы здесь не ставим себе задачи подробно излагать ход событий на Лене в 1912 г. Наша задача другая—связать их с общим рабочим движением среди горняков Сибири. И это мы в достаточной степени сделали всем предшествующим изложением. Для наших читателей теперь уже в достаточной степени ясно, что ленская забастовка 1912 года не была какой-то случайной неожиданностью. Борьба приисковых рабочих с тяжелой хозяйской кабалой, укреплявшейся всеми силами царской полиции и юстиции насчитывала уже за собой многие десятилетия. Нового было в последние годы лишь сосредоточение больших рабочих масс в распоряжении одной крупной золотопромышленной компании, вращавшей большими капиталами русского и английского происхождения. Условия труда рабочих на Ленских приисках были крайне тяжелыми, хотя они и не были хуже, чем раньше. Наоборот, можно даже сказать, что они постепенно улучшались. Но рабочие были уже не те. С годами росла классовая сознательность и требовательность рабочих, их воля к борьбе.

Ленское золотопромышленное товарищество (ЛЗТ) к описываемому нами времени имело 50-ти летнее прошлое. Возникнув в 1861-63 г. г., в годы отмены крепостного труда, оно к 1911 году становится крупнейшим капиталистическим хищником международного масштаба.

Несомненная выгодность предприятия вскоре же после его возникновения привлекла к нему большие капиталы. Акционерами ЛЗТ стояли такие представители правящих классов, как мать Николая II, великие князья, граф Витте, министр Тимашев и другие.

Расцвет ЛЗТ начинается с 1907-08 операционного года. В 1908 г. в Лондоне было образовано общество для финансовой поддержки ЛЗТ под наименованием «Лена Гольдфильдс» (Ленские золотые прииски). Общество ссужало товарищество капиталом под 6-6½% и сосредоточило у себя более двух третей его акций.

Естественно, что с таким всемогущим противником бороться было трудно. Иркутский губернатор Бантыш еще в ноябре 1911 г. признавал: «ЛЗТ поит, кормит, учит, лечит, казнит и милует тысячи людей. Почти исключительно ЛЗТ дает деньги и на содержание правительственных чиновников. Стоит только тому или другому правительственному чиновнику перестать поддерживать отношения с Эльзото, и его возьмут измором».

Попасть к ленцам в лапы, т.-е. наняться на прииски ЛЗТ, это значило безнадежно попасть в западню. До железной дороги (Иркутск) было 1734 версты, и даже до ближайшего жилого места—свыше 1000 верст. Летом путь облегчался возможностью плавания по Витиму и Лене, а зимой весь его нужно было проделать на лошадях. Такой зимний путь был по карману только состоятельным людям. Весной и осенью, в распутицу, месяца по полтора, по два всякое сообщение с миром прекращается.

Договор найма с рабочими заключался в октябре сроком по 10-е сентября. Средний заработок горнорабочего колебался от 35 р. до 48 р. в месяц. И такой ничтожный заработок приискателей в значительной мере прилипал к рукам ленцев через их торговый аппарат. Официально рабочий день на приисках ЛЗТ продолжался: «с 1 апреля по 1 октября—11½ рабочих часов, а с 1 октября по 1 апреля—11 часов» (§ 8 договора), начинаясь в 6 часов утра по свистку. Однако, от рабочих требовали, чтобы они являлись на раскомандировку к 5 часам утра. Опоздание писали, как прогул, заставляя отработать в праздники за обычную (а не полуторную, как следовало бы) плату. Сверхурочные работы назначались по произволу администрации, затягивались на 2-3 часа и порой не оплачивались. Дней отдыха ленские шахтеры фактически почти не знали. По договору (§ 9), зимой им полагался законный отдых, а летом—«по усмотрению управления 2 раза в месяц». Но это не соблюдалось.

Особенно сильно возмущали приисковое население продовольственные безобразия ленцев. Потребители подразделялись на две категории: привилегированную (служащие) и непривилегированную (рабочие). Служащие получали отборные продукты. Рабочим сбывали за одинаковую со служащими цену буквально отбросы. Благодаря небрежной приемке мяса на прииски, в пайки попадала и конина. Такой именно случай произошел 25 февраля 1912 года. Говорили, что жене рабочего Андреевского прииска Завалиной выдали в мясном пайке конский половой орган.

Последний факт с мясным пайком послужил сигналом к забастовке, в которой выразилось общее негодование рабочих своим положением на приисках и отношением к ним администрации. Забастовка, начавшись 28 февраля 1912 года на Андреевском прииске, к 3 марта охватила уже 8 приисков Лензото, на которых было до 7.000 рабочих. Во главе движения стояли рабочие механических мастерских, среди которых было не

мало политических ссыльных. Организационным ядром забастовки была группа политических ссыльных во главе с Думпе, которая проводила свое влияние на весь ход забастовки через стачечный комитет. Как мы знаем из воспоминаний самого Думпе, эта группа политических ссыльных отнюдь не ставила своей задачей обострить экономическую борьбу ленских рабочих в революционную схватку. Наоборот, есть все основания упрекать идейных руководителей забастовки в «меньшевизме», в желании во что бы то ни стало удержать рабочее движение в русле чисто экономической борьбы, афишировать его мирный характер. Но независимо от воли вождей ленской забастовки, она, как мы знаем, приобрела значение крупнейшего политического события.

Начавшись чисто стихийно, забастовка приобрела затем строго организованный характер.

Избранные в начале забастовки, по предложению начальства, выборные образовали приисковые рабочие комитеты, объединенные центральным Стачечным бюро. Это бюро никем никогда избрано не было. Его выдвинула сама жизнь. В состав бюро входили влиятельнейшие в массах товарищи: Баташев, Черепяхин («Гриша»), Думпе, Зеленко. По казармам, для поддержания порядка, были избраны старосты, снабженные большими полномочиями. Приисковый совет старост находился под руководством приискового рабочего комитета.

Крепкая спайка, полный порядок, сознательное подчинение руководящей организации,—все это является отличительной чертой ленской стачки 1912 г. Водка была изгнана из употребления на приисках по настоянию самих рабочих. По признанию сенатора Манухина, ревизовавшего прииски после расстрела, за 4 месяца забастовки в среде рабочего населения, доходившего до 7.000 лиц, не произошло ни одного повреждения промышленного оборудования, не было похищено или попорчено ни одного, даже малоценного, имущества и не наблюдалось ни одного случая нападения или насилия».

После ряда сходов и делегатских собраний, требования бастующих были сведены к следующим пунктам.

«Наши требования.

1. Во все время забастовки продовольствие по кухне должно выдаваться по обыкновению.

2. Продовольствие с кухни должно выдаваться на равных условиях со служащими. Все продукты на кухне должны выдаваться в присутствии уполномоченных, которые назначаются рабочими того района, в котором предстоит выписка.

Мясо должно делиться на два сорта.

Квас должен быть в летнее время за счет Л. З. Т.

Хлеб ржаной должен быть сеяный.

Картофель должен быть обязательно.

Капуста должна быть тоже обязательной, в виду того, что она предохраняет от цынги.

3. Расширение квартир с достаточным количеством воздуха, с бесплатным освещением, холостым—одна, комната на двоих и семейному—одна комната.

4. Отдельные помещения—прачечная и сушилка.

5. а) Рабочие, нанявшиеся по профессии, не должны посылаться в ту область труда, где не требуются их профессиональные знания, а также горнорабочим должны установить очередную сменяемость работ;

б) ни один рабочий не должен увольняться в зимнее время. Увольнения должны быть летом, и при том же должен быть выдан бесплатный проезд с семьей до Жигалово;

в) если же администрация увольняет рабочего, то должна рассчитать по закону.

6. а) 8-ми часовой рабочий день. Предпраздничные дни по 7 часов, воскресные и двенадцатые праздники работать не обязательно, а считать эти

дни льготными, если же в эти дни производится работа, то должно с 6 часов утра до 1 часа дня писать их за полтора дня;

б) неурочное время должно оплачиваться за первые два часа—три часа, а за последующие часы—за каждый час два часа.

7. Существующая такса должна быть увеличена пропорционально платы: до двух рублей—30 проц. и свыше двух рублей—10 проц., а для горнорабочих отрядные работы не принудительны, а по взаимному соглашению.

Всем без исключения рабочим и мастерам добавить жалование по 30 проц.

8. а) Каждый день должен вывешиваться табель с отметкой проработанного дня, а также и по окончании месяца, а табели должны быть подсчет за целый месяц;

б) горнорабочим должны выдаваться ежедневно ярлыки на выработку.

9. Уплата заработка должна производиться ежемесячно и полностью в конторе мастерской и на стану, при чем получатель должен расписаться в табели в сумме, каковую он получил.

10. Выписка по амбару для мастеровых должна производиться тремя днями раньше горнорабочих.

11. Отмена штрафов.

12. Выделить полнейшую автономию вахтовых, которые должны подчиняться только механической администрации, чтобы служащие горнорабочих не вмешивались в дела электро-паровых машин. Трехсменная вахта по 8 часов в сутки.

13. Всем рабочим и мастерам не должна сбавляться поденная плата. Рабочим, командированным на дальнее расстояние, должен платиться полуторный оклад.

14. По первому требованию больного должна явиться медицинская помощь. Болезнь рабочего по вине Ленского т-ва оплачивается поденною платой и болезнь вообще—полднем до дня выздоровления. Обязательная выдача удостоверений больным.

15. Чтобы администрация не увольняла по личным капризам, а делала это с ведома рабочей комиссии.

16. Непринужденность женского труда.

17. Вежливое обращение администрации: рабочих не называть на «ты», а на «вы».

18. Устранение административных лиц (идет перечень); за время забастовки никто не должен страдать.

О гарантии выборов.

1. Чтобы Управление ЛЭТ-ва снеслось бы с местной полицией о гарантии свободы делегатам.

2. Чтобы на время забастовки выборным был предоставлен народный дом.

3. Чтобы административной властью не назначались на работы отдельные лица, предварительно не испросив разрешения у делегатов.

Мы хотим, чтобы забастовка носила миролюбивый характер, а поэтому заявляем: если будут приниматься карательные меры к нашим уполномоченным, тогда мы снимаем всех рабочих с работ».

Требования были обстоятельно разработаны. Они всесторонне охватывают нужды приисковых рабочих. Несколько странным только кажется то обстоятельство, что такие основные требования, как 8-ми часовой рабочий день и увеличение заработной платы, не выдвинуты на первое место, а заслоняются сравнительно второстепенными вопросами. По воспоминаниям руководителей забастовки, это было сделано ими сознательно, чтобы власти не могли сразу учуять организованного руководства забастовкой со стороны группы достаточно развитых политических работников. Но представители администрации, конечно, прежде всего разглядели эти основные требования рабочих о сокращении рабочего дня и увеличении заработной платы. И нашли их совершенно неприемлемыми. С первых же дней забастовки с приисков посыпались телеграммы в Иркутск с требованием войск. И когда прибыла из Киренска воинская команда, выборных рабочих начали арестовывать. Тогда рабочие всей своей массой решили пойти на Надеждинский прииск, где помещалось управление приисками и другое начальство, и еще раз каждый в отдельности подтвер-

дить выставленные требования и принести свои жалобы окружному инженеру Тульчинскому. Этим движением рабочих воспользовался жандармский ротмистр Трещенков, чтобы применить ту меру расправы с рабочими, к которой приисковая администрация не раз пыталась прибегнуть и в старые годы, хотя дело никогда не доходило до столь решительной развязки.

17 апреля (4 апреля по старому стилю) Трещенков приказал воинской команде стрелять в толпу рабочих, мирно шедших на Надеждинский стан. В результате, сотни убитых и раненых.

По официальным спискам, заверенным ленской администрацией, было убито и умерло от ран 168 рабочих. По данным ревизии сенатора Манухина, установлено 186 раненых с утратой трудоспособности от 5 до 100%. Легкие ранения не учитывались.

Таковы официальные итоги 4 (17) апреля 1912 г.

Но забастовка на этом не кончилась. Рабочие похоронили убитых товарищей, но склонить голову к ногам победителей отказались. Были посланы телеграммы протеста в государственную думу, в рабочую газету «Правда». Рабочий Питер и вся рабочая Россия отозвались забастовками протеста против кровавой расправы палачей капитала на далекой Лене. В этих забастовках участвовало до 300.000 рабочих. Однако, ни ревизия сенатора Манухина, ни поездка на Лену адвокатов, посланных туда левыми фракциями государственной думы, никаких положительных результатов не дали. Все они лишь подтвердили тяжелые кабальные условия труда ленских рабочих, подтвердили и самый факт расстрела совершенно мирной безоружной толпы рабочих. Требования рабочих остались не удовлетворены. Забастовка закончилась массовым выездом нескольких тысяч приисковых рабочих...

Все же в ближайшие годы работы на Ленских золотых приисках возобновились. Нужда гонит и в самую глухую тайгу, в самую жестокую кабалу. На место уехавших рабочих приехали другие. Все-таки и в эти ближайшие годы в отношениях администрации с рабочими многое изменилось. И администрация и полиция стараются не возбуждать против себя рабочих, по возможности избегать резких конфликтов. И хотя и дальше в сомнительных случаях полагались на силу штыков и пуль, но все же старались как-нибудь избежать этого. Вот что, например, телеграфировал бодайбинскому исправнику иркутский губернатор Юган 3 апреля 1915 года:

«В виду донесения Андреева о несколько повышенном настроении служащих рабочих, вызванном сокращением штатов и расходов Ленским товариществом, предлагаю принять всяческие меры недопущению беспорядков среди рабочих Лензото и предотвращению поводов к ним. В настоящее время всякая беспорядки и столкновения с полицией более чем когда-либо недопустимы».

Было еще второе значительное следствие Ленской забастовки в отношении материального обеспечения ленских рабочих. В 1913 году в России начал проводиться новый закон о больничных кассах, выработанный государственной думой. На Сибирь он не распространялся. И было сделано только одно исключение для Ленских приисков, где закон этот был применен. О мотивах такого исключения нечего спрашивать: внимание к ленским рабочим царского правительства в достаточной степени объясняется ленскими событиями 1912 года. Ленские рабочие заставили говорить и помнить о себе.

Больничная касса на Ленских приисках, организованная в 1913 году, быстро наладила свою деятельность и значительно улучшила дело лечебной помощи. Была введена, хотя и неполная, оплата дней болезни. А это ведь одно из требований забастовки 1912 года (пункт 14). Вместе с тем проведение выборов от рабочих в правление кассы создало из нее первую

открытую рабочую организацию, если не считать временную стачечную организацию 1912 года.

Нелегальный Союз Черемховских углекопов (1913—16 г. г.).

За шумом больших событий в Ленской тайге 1912 года, связанных с забастовкой и расстрелом рабочих и сыгравших громадную историческую роль в оживлении и дальнейшем развитии всего рабочего движения, мы не должны упустить и той мало заметной и кропотливой организационной работы, которая велась в это время среди углекопов Сибири. На Черемховских коях шла подготовительная работа по организации профессионального союза. Горнорабочие здесь снова брались за построение своей профессиональной организации, впервые после организационных опытов революционного 1905 года. В 1912 году Черемховский район, равно как Ленская тайга и вся вообще Иркутская губерния, насчитывал уже не мало политических ссыльных, попавших в Сибирь в годы царской реакции и ликвидации массового рабочего движения после революции 1905 года. Политическим ссыльным целиком принадлежит почин и руководящая работа по организации профессионального союза среди черемховских горнорабочих. Об этом говорят в своих воспоминаниях активные работники союза—Владимиров, Кривошапов, Кирсанов, Дуванов и Яранцев. Их воспоминаниями мы и пользуемся здесь.

В Черемхово в 1905-6 г. г. существовала социал-демократическая группа. После ее развала, связь с рабочими копей поддерживали сосланные сюда члены 2-ой государственной думы. Ими еще в 1907 году велись кружковые беседы с рабочими о значении профессионального союза. Кружковая работа заметно оживилась в 1912 году, когда на коях, главным образом, в механических мастерских, было уже не мало ссыльных. Одним из этих рабочих кружков на Забитуйских коях и был поднят вопрос об организации профессионального союза. Пробовали выработать проект устава применительно к существующим тогда правилам о ссодлах. Послали его на рассмотрение Иркутской судебной палаты, но устав утвержден не был. Тогда пришли к мысли об организации нелегального профессионального союза. На этом особенно горячо настаивал ссыльный Петр Старостин (токарь по металлу, большевик, есть сведения, что он погиб в Одессе во время гражданской войны). Старостину принадлежит главная руководящая роль в организации Союза. Но инициативная группа ссыльных состояла из людей различных политических убеждений: были эсеры, социал-демократы и анархисты. В качестве председателя сошлись на кандидатуре рабочего с Забитуйских копей — Владимирова, как беспартийного (ныне коммунист). Организационное собрание состоялось в двух верстах от Забитуйских копей, близ участка Лужки. На нем присутствовало не более 20-25 надежных товарищей. В правление вошли Владимир (председатель и казначей), Кривенко (впоследствии оказался провокатором*), Савинов, Перевалов, Зиниц (анархист), Ульянов и Нечаев.

Членские взносы были установлены в размере 20 коп. в месяц. Стали коллективом выписывать газеты—иркутские и петербургские. Нелегальная литература, правда, в малом количестве, но все же была. Идеей всей работой руководил Петр Старостин и Атабеков (живший в Черемхово).

*) Роль Кривенко, как провокатора и доносчика, установлена в 1917 году по документам жандармского архива. Он был арестован, но затем освобожден. В 1926 году, по приговору пролетарского суда в Черемхово, приговорен к 5 годам строгой изоляции.

Первую активную роль союз проявил на похоронах рабочего забойщика, убитого верхней пачкой угля на Щелкуновской копи в Черемхове. На гроб убитого возложили венок с красными лентами и революционными лозунгами от забитуйских рабочих. Это обстоятельство превратило похороны в грандиозную для того времени демонстрацию. Народу собралось не менее тысячи человек. Полиция все время пыталась отобрать венок, но толпа всякий раз в угрожающий момент окружала его тесным кольцом. В конце-концов близ магазина Щелкунова на большой улице (ныне магазин Черемховского рабочего кооператива) произошло побоище. В результате полиция была смята, а пристав Мамонтов жестоко избил табуреткой по голове (во время процессии с этой табуретки говорили ораторы). Смятая и избитая, полиция несколько раз обнажала шашки и револьверы, но рубить и стрелять у нее не хватало духу. После того, как засыпали землей гроб и возложили венок на могилу и стали расходиться, полиция разорвала в клочья красные ленты венка.

К осени 1913 года союз вырос численно человек до 60-70.

Наиболее же крупным событием в жизни союза было проведение 11-ти дневной забастовки на Забитуйских коях в январе 1914 г.

Рабочие на шахте № 4 стали волноваться из-за плохого под'ема и вылезли на гору. Правление союза воспользовалось недовольством рабочих, сформировало более широкие требования; главные из них—8-ми часовой рабочий день и прибавка одного рубля на куб выработанного угля. Далее ряд мелких требований в отношении улучшения бытовых условий: бани, квартир, снижения цен в лавке, улучшения качества продуктов, доставка дров и угля на квартиры, вежливое обращение и т. д. Рабочие дружно поддержали эти требования, об'явив забастовку, которой руководил стачечный комитет, выделенный союзом.

В ход забастовки вмешалась полиция. Об этом председатель союза тов. Владимиров так передает в своих воспоминаниях.

«На третий или четвертый день забастовки в моей квартире утром собрались члены правления и стачечного комитета с несколькими десятками передовых рабочих, всего набралось 35-40 человек. Начали обсуждать линию нашего дальнейшего поведения. В это время моя и Ивана Савинова квартиры были окружены нарядом полиции и жандармов, произвели обыск, забрали письма и книги и арестовали Савинова, Перевалова, Овчинникова, Ульянова, Нечаева, Суховерева, Зиница, Кривенко, меня и еще одного товарища, фамилию которого я не смог вспомнить. Всего арестовали 10 человек. Рабочие, узнав о нашем аресте, пришли к конторе (место нашего заключения) в числе 600-700 человек и заявили полиции, что арестованных увезти в полицию не дадут. Струсившая полиция обратилась к нам за помощью. Пришлось Савинову и мне уговорить рабочих не трогать полицию, иначе могло произойти побоище между полицией и рабочими. Здесь нужно сказать, что некоторые члены союза, оставшиеся не арестованными, были вооружены револьверами; учтя это обстоятельство, мы и уговорили рабочих полицию не трогать, а забастовку продолжать до победы. К вечеру нас увезли в черемховскую тюрьму, а потом в иркутскую. Рабочие же продолжали бастовать, включив в свои требования новый пункт—это освобождение арестованных. Бастовавшим рабочим помогала вся черемховская ссылка собирались средства в Балаганске и вообще в Приангарском крае, бывшем тогда местом ссылки.

В государственной думе вопрос о забастовке и арестах был поднят социал-демократами, и арестованные после месячного заключения были освобождены, получивши право, по настоянию бастовавших рабочих, обратного приема на работу, а также добились прибавки на куб выработки угля 50 к. Я прожил в Сибири 16 лет, участвовал во многих забастовках, но такой забастовки по силе выдержки и сплоченности сибирских забитых горняков мне встречать не доводилось».

Таким образом, 11-ти дневная забастовка кончилась частичной победой рабочих.

Таково было первое организованное выступление черемховских рабочих под руководством своего союза.

Столь же успешно под руководством союза был проведен и еще ряд забастовок. В 1913 году бастовали механические мастерские Черемховских копей, где работало до 100 человек. Были выставлены требования: оплата работы в праздничные дни в полуторном размере, улучшение бани и выдача жалованья два раза в месяц. Все требования были удовлетворены предпринимателем на второй же день.

В мае месяце 1914 года в Черемхово на Щелкуновских, Комаровских и Андреевских копиях, как рассказывает забойщик Кривошапов, произошла забастовка, продолжавшаяся 28 дней. Руководил ею стачечный комитет. Были выставлены требования: 8-ми часового рабочего дня, улучшения жилищ и увеличения заработной платы на 25%. Забастовка продолжалась 28 дней, но кончилась неудачей. Требования рабочих не были удовлетворены.

Также неудачна была 3-х дневная забастовка на Рассушинских копиях в 1915 году.

Нелегальный союз, несмотря на аресты руководителей, все же не прекращал своей деятельности. Но было ясно, что для борьбы с предпринимателями нужна открытая массовая рабочая организация, нужен сильный стачечный фонд. Нелегальному союзу такая большая работа была не под силу. И хозяйский произвол, и слабость нелегального союза, и неудачи в проведении стачек—все это наталкивало членов союза и рабочую массу на необходимость борьбы за изменение политического строя. Рабочие начинали интересоваться политикой. Профессиональный союз помогал также в развитии политического самосознания рабочих. Союзом и отдельными рабочими в это время выписывалась «Правда» и другие начавшие тогда выходить открыто органы рабочей печати. Так шло до мая месяца 1916 года, когда был арестован Атабеков и ряд других наиболее активных работников союза. Они были освобождены только в дни Февральской революции 1917 года.

И тогда было приступлено к организации широкого профессионального союза в новых, свободных условиях.

Источники:

- Юлий Гессен.**—История горнорабочих СССР, т. I.
В. И. Семевский.—Рабочие на сибирских золотых приисках, т. I и II. СПб. 1898 г.
Никитин.—Правда о Ленских событиях. Изд. «Пролетарий», Москва, 1924 г.
«Ленские события», Центрархив, М. 1925 г.
Викторов.—«Лена». Изд. «Красная Новь», 1922 г.
В. Ф. Плетнев.—«Лена» 4 апреля 1912 г. Изд. Всероссийский Пролеткульт, Москва. 1923 г.
А. Тюшевский.—К истории забастовки и расстрела рабочих на Ленских приисках. Госиздат, 1921 г., Петербург.
Ф. С. Григорьев и Я. Е. Шапирштейн.—Ленское 9-е января—4-е апреля 1912 года. Изд. райкома РКП (б). Бодайбо, 1924 г.

Журналы.

- «Сибирский Горнорабочий» за 1918, 1919, 1921, 1922 и 1923 г.г.
«Горнорабочий», изд. ЦК СГ за 1920—1927 г.г. Москва.
«Профессиональное Движение», орг. Сиббюро ВЦСПС и Сибкрайсовпрофа за 1921—1927 г.г. Омск и Новосибирск.
-

у. 7 п.

Цена 15 коп.

